

Церковные дела при Алексее Михайловиче

Никон.

Обратимся теперь к делам времени царя Алексея в сфере церковной. Значение тогдашних церковных событий было очень велико: тогда начался раскол, остающийся и теперь еще вопросом не только истории, но и жизни; тогда же возник вопрос об отношениях церковной и светской властей. И тот и другой вопросы связаны с деятельностью Никона. Поэтому прежде всего обратимся к самой личности замечательного патриарха.

Патриарх Никон, в миру Никита, один из самых крупных могучих русских деятелей XVI в., родился в мае 1605 г. в крестьянской семье, в селе Вельеманове близ Нижнего Новгорода. Мать Никиты умерла вскоре после его рождения, и ему, еще ребенком, пришлось много вытерпеть от мачехи, женщины очень злого нрава. Уже тут Никита выказал присутствие сильной воли, хотя постоянное гонение и не могло не оказать дурного влияния на его характер. Никита обнаружил необыкновенные способности, быстро выучился грамоте, и книга увлекла его. Он захотел уразуметь всю глубину божественного писания и удалился в монастырь Макария Желтоводского, где и занялся прилежным чтением священных книг. Но родня вызвала его из монастыря обратно. Никита женился, на двадцатом году был поставлен в священники и священствовал в одном селе. Оттуда по просьбе московских купцов, узнавших о его начитанности, Никита перешел в Москву. Но тут он был недолго: потрясенный смертью своих детей, умиравших один за другим, он ушел в Белое море и постригся в Анзерском скиту под именем Никона. Поссорившись там с начальным старцем Елеазаром, Никон удалился в Кожеозерскую пустынь, где и был игуменом с 1642 по 1646 г. На третий год после своего поставления он отправился по делам пустыни в Москву и здесь явился с поклоном к молодому царю Алексею Михайловичу, как вообще в то время являлись с поклоном к царю настоятели монастырей. Царю до такой степени понравился Кожеозерский игумен, что патриарх Иосиф, по царскому желанию, посвятил Никона в сан архимандрита Новоспасского монастыря в Москве, где была родовая усыпальница Романовых. В силу последнего обстоятельства набожный царь часто ездил туда молиться за упокой души своих предков и много беседовал с Никоном. Алексей Михайлович был из таких сердечных людей, которые не могут жить без дружбы, всей душой привязываются к людям, если те им нравятся по своему складу, – и вот он приказал архимандриту приезжать для беседы каждую пятницу во дворец. Пользуясь расположением царя, Никон стал «печаловаться» царю за всех обиженных и утесненных и, таким образом, приобрел в народе славу доброго защитника и ходатая. Вскоре в его судьбе произошла новая перемена: в 1648 г. скончался Новгородский митрополит Афанасий, и царь предпочел всем своего любимца. Иерусалимский патриарх Паисий рукоположил Новоспасского архимандрита в сан митрополита Новгородского. В Новгороде Никон стал известен своими прекрасными проповедями. Когда в Новгородской земле начался голод, он много помогал народу и хлебом и деньгами, да, кроме того, устроил в Новгороде четыре богадельни. В 1650 г. вспыхнул народный мятеж, и в образе действий Никона во время этих волнений мы уже видим проявление того крупного и решительного характера, который увидим и в деле раскола: он сразу наложил на всех коноводов мятежа проклятие и раздражил этим народ настолько, что подвергся даже насилию со стороны бунтовщиков. Но вместе с тем Никон ходатайствовал перед царем за новгородцев.

Будучи Новгородским митрополитом, Никон следил, чтобы богослужение

совершалось с большей точностью, правильностью и торжественностью. А в то время, надо сказать, несмотря на набожность наших предков, богослужение велось в высшей степени неблаголепно, потому что для скорости разом читали и пели разное, так что молящиеся вряд ли что могли разобрать. Для благочиния митрополит уничтожил это «многогласие» и заимствовал киевское пение вместо так называемого «раздельноречного» очень неблагозвучного пения. В 1651 г., приехав в Москву, Никон посоветовал царю перенести мощи митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в столицу и этим загладить давний грех Ивана Грозного перед святителем. Царь послал (1652) в Соловки за мощами самого Никона.

В то время, когда Никон ездил в Соловки за мощами, скончался московский патриарх Иосиф (1652). На престол патриарший был избран Никон; он отвечал отказом на это избрание; тогда в Успенском соборе царь и окружавшие его со слезами стали умолять митрополита не отказываться. Наконец Никон согласился, но под условием, если царь, бояре, освященный собор и все православные дадут торжественный обет перед Богом, что они будут сохранять «евангельские Христовы догматы и правила св. апостолов и св. отец, и благочестивых царей законы» и будут слушаться его, Никона, во всем, «яко начальника и пастыря и отца краснейшаго». Царь, за ним власти духовные и бояре поклялись в этом, и 25 июля 1652 г. Никон был поставлен патриархом.

Книжное исправление и раскол.

Одной из первейших забот Никона было исправление книг, т. е. дело, которое привело к расколу.

Мы знаем, что в богослужебных книгах было много неправильностей. Еще Иван IV на Стоглавом соборе поставил вопрос «о божественных книгах»; он говорил собору, что «писцы пишут книги с неправильных переводов, а написав, не правят». Хотя Стоглавый собор и обратил большое внимание на неправильности в рукописных книгах, тем не менее в своих постановлениях он сам впал в погрешность, узаконив, например, двоеперстие и сугубую аллилуйю. Об этих вопросах спорили на Руси еще в XV в., не зная, «двумя или тремя перстами креститься», «петь аллилуйя дважды или трижды» («Псковские споры» в «Опытах» В. О. Ключевского). В первых печатных богослужебных книгах при Иване IV допущено было много ошибок; то же самое было и в книгах, напечатанных при Шуйском. Когда же после смуты был восстановлен Печатный двор, то прежде всего решили исправить книги. И вот в 1616 г. это дело было поручено Дионисию, известному нам архимандриту Троицкого монастыря, и монахам того же монастыря, Логгину, Филарету и другим «духовным и разумным старцам». Относительно Дионисия мы знаем, что это была за личность; добродушная и высокая его натура, умевшая будить в массах патриотизм в бедственное время смуты, оказалась неспособной к практической обыденной деятельности; архимандрит не мог держать в строгом повиновении себе братию. Большим, чем архимандрит, влиянием пользовались в монастыре певчие-монахи Логгин и Филарет, оба с удивительными голосами. Филарет был так невежественен, что искажал не только смысл духовных стихов, но и православное учение (например, Божество он почитал человекообразным). Оба они ненавидели Дионисия, и вот с такими-то личностями пришлось архимандриту приняться за дело исправления книг. Уже из одного того факта, что никто из «справщиков» книг не знал по-гречески, видно, что дело исправления не могло идти удовлетворительно. Да и мысль о проверке исправляемых книг по старым и русским и греческим рукописям никому не приходила в голову... Как бы то ни было, принялись за исправление. Между

справщиками дело не обошлось без распрей. Вначале возник спор по следующему случаю: Дионисий вычеркнул в молитве водоосвящения ненужное слово «и огнем». Пользуясь этим, Логгин, Филарет и ризничий дьякон Маркелл отправили в Москву на Дионисия донос, обвинявший его в еретичестве.

В то время в Москве еще ждали Филарета Никитича, и делами патриаршества управлял Крутицкий митрополит Иона – человек, не способный как следует рассудить это дело. Он стал на сторону врагов Дионисия. Кроме того, вооружили против Дионисия и царскую мать старицу Марфу, да и в народе распустили слух, что явились такие еретики, которые «огонь от мира хотят вывести». Дело кончилось осуждением Дионисия на заключение в Кириллов-Белозерский монастырь; но это заточение не было продолжительным. Вскоре в Москву приехал Иерусалимский патриарх Феофан, при котором возвратился и Филарет Никитич и был поставлен в патриархи. Снова произвели дознание о деле Дионисия и оправдали его; но в Москве все-таки продолжался спор о прилоге «и огнем». Филарет, не успокоенный доказательствами Феофана, просил его приехать в Грецию, хорошенько разузнать об этом прилоге. Феофан исполнил его просьбу и вместе с Александрийским патриархом прислал в Москву грамоты, подтверждавшие, что прибавка «и огнем» должна быть исключена. Таким образом, решено было уничтожить прилог.

Исправление книг не прекращалось и при патриархе Филарете (1619-1633) и Иосифе (1634-1640); но на исправление смотрели как на дело домашнее, ограничиваясь исправлением «ошибок пера», исправляя домашними средствами, т. е. не считая нужным прибегать к сличению наших книг с древнейшими греческими. Мысль о необходимости этих сличений, однако, проскользнула еще при Филарете: в 1632 г. приехал с Востока архимандрит Иосиф и был определен для перевода на славянский язык греческих книг, необходимых для церковных нужд, и книг на «латинские ереси», да и, кроме того, его обязали «учить на учительном дворе малых ребят греческого языка и грамоте». Но в начале 1634 г. Иосиф умер, и школа его заглохла.

И при патриархе Иосифе (1642-1652) исправление шло все тем же путем, т. е. исправляя русские люди, не обращаясь к греческим книгам. На дело исправления много влияли при Иосифе некоторые люди, ставшие потом во главе раскола; таковы протопопы Иван Неронов, Аввакум Петров и дьякон Благовещенского собора Федор, – из кружка Степана Бонифатьева, близкого к патриарху Благовещенского протопопа и царского духовника. Может быть, их влиянием и было внесено и распространено при Иосифе много ошибок и неправильных мнений в новых книгах, как, например, двоеперстие, которое стало с тех пор считаться единственным правым крестным знаменем.

Но вместе с тем со времени Иосифа замечается поворот к лучшему. В 1640 г. пришло предложение Петра Могилы, киевского митрополита, устроить в Москве монастырь и школу по образцу коллегий западнорусского края. Затем, в 1645 г., приходит предложение Цареградского патриарха Парфения через митрополита Феофана об устройстве в Москве для печатания греческих и русских богослужебных книг типографии, а также и школы для русских детей. Но при Михаиле Федоровиче как то, так и другое предложение не встретило сочувствия. С воцарением Алексея Михайловича дела пошли иначе. Тишайший царь писал (в 1649 г.) преемнику Петра Могилы киевскому митрополиту Сильвестру Коссову, прося его прислать ученых монахов, и, согласно царскому желанию, в Москву приехали Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий, сделавшийся впоследствии первым ученым авторитетом в Москве. Они приняли участие в исправлении наших богослужебных книг. Одновременно с этим постельничий Федор Михайлович Ртищев устраивает под Москвой Андреевский монастырь, а в нем общежитие ученых киевских монахов,

вызванных им с юга. Таким образом впервые входила к нам киевская наука.

В том же 1649 году в Москву приехал Иерусалимский патриарх Паисий и, присмотревшись к нашим богослужебным обрядам, указал царю и патриарху на многие «новшества». Это произвело огромное впечатление, так как по понятиям того времени дело шло об «ереси»; и вот возможность неумышленно впасть в ересь побудила правительство обратить большое внимание на эти «новшества» в обрядах и в книгах. Результатом этого была посылка монаха Арсения Суханова на Афон и в другие места с целью изучения греческих обрядов. Через несколько времени Суханов прислал в Москву известие, еще более взволновавшее всех, – известие о сожжении на Афоне тамошними монахами богослужебных книг русской печати, как признанных еретическими. В то же время московская иерархия решила обратиться за советом к цареградскому духовенству по поводу различных, с нашей точки зрения, не особенно важных, церковных вопросов, которые, однако, казались тогда «великими церковными потребностями», главным же образом по поводу вопроса о знакомом уже нам «многогласии», об уничтожении коего сильно хлопотали, между прочим, Ртищев и протопоп Неронов. По совету с греками решились, наконец, в 1651-1652 гг. ввести в церковных службах единогласие. Таким образом, в русских церковных делах приобрел значение пример и совет Восточной греческой церкви.

С таким привлечением киевлян и греков к исправлению обрядов и книг в этом деле появился новый элемент – «чужой», и понемногу перешли от исправления незначительных ошибок к исправлению более существенных, которым, по понятиям того времени, присваивалось название ересей. Раздело принимало характер исправления ересей и к нему привлекалась чужая помощь, исправление теряло прежнее значение домашнего дела и становилось делом междуцерковным.

Но вмешательство в это дело чужих людей вызвало во многих русских людях неудовольствие и вражду против них. Враждебное отношение проявилось не только к грекам, но и к киевским ученым, к киевской латинской науке. Такая неприязнь в отношении к киевлянам обуславливалась фактом Брестской унии 1596 г.; начиная с того времени в Москве юго-западное духовенство стали подозревать в латинстве; много помогал этому и самый характер Киевской академии, устроенной Петром Могилой по образцу иезуитских коллегий запада. В ней, как мы знаем, важную роль играл латинский язык, а русские смотрели очень косо на изучение латыни, языка Римской церкви, подозревая, что изучающий латынь непременно совратится в «латинство». На всю южнорусскую интеллигенцию в Москве смотрели, как на «латинскую». Знакомый нам протопоп Неронов говорил как-то Никону: «А мы прежде всего у тебя слышали, что многожды ты говорил нам: гречане де, да и малые россияне потеряли веру и крепости добрых нравов у них нет». Но этими словами могло тогда выражаться враждебное отношение к латинству не одного Никона или Неронова, а очень и очень многих московских людей. К таким людям принадлежал и влиятельный кружок протопопа Вонифатьева; идеи этого кружка распространялись за его пределы и отозвались, например, в деле маленького московского человека Голосова, который не хотел учиться у киевских монахов, чтобы не впасть в ересь, и так говорил о Ртищеве: «Учится у киевлян Федор Ртищев грамоте, а в той грамоте и еретичество есть. Кто по латыни научится, тот с праваго пути совратится». Такие люди, как Голосов, не только самих киевлян считали еретиками, но и на тех людей, которые благоволили к киевлянам и их науке, смотрели как на еретиков. «Борис Иванович Морозов, – говорили москвичи, – начал жаловать киевлян, а это уже явное дело, что туда уклонился, к таким же ересям».

Такое же неприязненное отношение как к людям, отступившим от православия, было и к грекам, – здесь оно обуславливалось Флорентийской унией и подданством Греции туркам; для характеристики такого отношения приведем слова одного из образованных русских людей того времени, Арсения Суханова, о греческом

духовенстве: «И папа не глава церкви и греки не источник, а если и были источником, то ныне он пересох»; «вы и сами, – говорил он грекам, – страдаете от жажды, как же вам напоять весь свет из своего источника?» На Руси уже давно выработалось неприязненное и несколько высокомерное отношение к грекам. Когда пал Константинополь и подпавшее турецкому игу греческое духовенство стало являться на Русь за «милостыней» от московских государей, в русском обществе и литературе появилась и крепла мысль о том, что теперь значение Константинополя как первого православного центра должно перейти к Москве, столице единственного свободного и сильного православного государства. С чувством национальной гордости думали наши предки, что одна независимая Москва может сохранить и сохраняет чистоту православия и что Восток в XV в. уже не мог удержать этой чистоты и покусился на соединение с папой. Стесненное положение восточного духовенства при турецком господстве служило в глазах москвичей достаточным ругательством в том, что греки не могут веровать право, как не могут право веровать русские люди в Литве и Польше, находясь под постоянным давлением католичества. К православным иноземцам у очень многих московских людей было недоверчивое и вместе гордое отношение. На них смотрели сверху вниз, с высоты самолюбивого сознания своего превосходства в делах веры.

И вдруг эти православные иноземцы, греческие иерархи и малороссийские ученые, становятся руководителями в деле исправления обрядов и книг Московской церкви. Понятно, что такая роль их не могла понравиться московскому духовенству и вызвала в самолюбивых москвичах раздражение. Людям, имевшим высокое представление о церковном первенстве Москвы, казалось, что привлечение иноземцев к церковным исправлениям необходимо должно было выйти из признания русского духовенства невежественным в делах веры, а московских обрядов – еретическими. А это шло вразрез с их высокими представлениями о чистоте православия в Москве. Этим оскорблялась их национальная гордость, и они протестовали против исправлений, исходя именно из этого оскорбленного национального чувства.

Никон, став патриархом, повел дело исправления более систематично, занялся исправлением не только ошибок, руководясь древними греческими списками, но и обрядов. По поводу последних он постоянно советовался с Востоком. Исправление обрядов было уже, по понятиям того времени, вторжением в область веры, т. е. непозволительным посягательством. В деле исправления киявляне и Восток стали играть активную, даже первенствующую роль. Исправление стало окончательно делом междуцерковным. Появился и резкий протест.

Но прежде чем перейти к изложению того, как пошло исправление книг и обрядов при Никоне и как появились против него первые протесты, посмотрим, каковы были те неправильности в книгах, которые пришлось исправлять Никону:

1. В тексте церковных книг была масса опечаток и опечаток, мелких недосмотров и разногласий в переводах одних и тех же молитв. Так, в одной и той же книге одна и та же молитва читается разное: то «смертию смерть наступи», то «смертию смерть поправ». Из этой массы несущественных погрешностей более вызывали споры и более значительными считались следующие: 1) лишнее слово в VIII члене Симв. Веры, – «и в Духа Св. Господа истинного и животворящего». 2) Начертание и произношение имени Иисус – Исус. 3) Искажение церковных отпусков на Богородичные и другие праздники: «Христос истинный бог наш», говорил священник, «молитвами Пречистыя Его Матери честнаго и славнаго Ея рожества и всех святых помилует и спасет нас». Или: Христос молитвами его Матери, «честнаго и славнаго Ея введения или благовещения» и т. д. На празднование честных вериг Апостола Петра (16 января) говорили: «Христос... молитвами всехвалянаго Ап. Петра, честных его вериг»... и т. д.

2. Наиболее выдающиеся отступления нашей церкви от Восточной в обрядах были таковы: 1) проскомидия совершалась на 7 просфорах вместо 5; 2) пели сугубую аллилуйя, т. е. два раза вместо трех, вместо трегубой; 3) совершал и хождение по-солон, вместо того, чтобы ходить против солнца; 4) отпуск после часов священник говорил из царских врат, что теперь не делается; 5) крестились двумя перстами, а не тремя, как крестились на Востоке, и т. д.

Из этого перечня видно, что все отступления Русской церкви от Восточной не восходили к догматам, были внешними, обрядными; но в глазах наших предков обряд играл большую роль, и всем этим отступлениям они придавали огромное значение, смотря на них, как на «ереси».

Перейдем теперь к Никоновым реформам. Еще в 1649 г., до вступления Никона на патриарший престол, приехавший в Москву патриарх Паисий Иерусалимский указал, о чем сказано выше, на некоторые новшества в Русской церкви. Когда он отправился домой, то с ним был отправлен на Восток Арсений Суханов для изучения восточных обрядов и для сбора старинных церковных книг. В 1651 г. был в Москве митрополит Назаретский Гавриил и тоже указал на отступление обрядов Русской церкви от Восточной. То же в 1652 г. сделал и патриарх Константинопольский Афанасий. Тогда же (1652 г.) пришло известие с Афона, что там старцы объявили еретическими и сожгли московские печатные книги с двоеперстием. В 1653 г. возвратился Суханов с Востока и в своем отчете, который носит название «Проскинитарий», констатировал разницу обрядов в Москве и на Востоке, хотя сам относился скептически ко всему Востоку. Такая многочисленность указаний о различиях Московской церкви от Восточной показала московской иерархии необходимость проверки церковных обрядов и их исправления, если бы они оказались неправильными.

Ко времени вступления на патриарший престол у Никона созрела мысль о необходимости такой проверки и исправления. Став патриархом и разбирая патриаршую библиотеку, он нашел в ней грамоту об утверждении патриаршества, в коей говорилось о необходимости полного согласия православных церквей и о строжайшем соблюдении догматов. Это побудило его к исследованию, не отступила ли русская церковь от православного греческого закона. Как в Символе Веры, так и в других книгах он сам увидел отступления. Но решиться сразу на гласную систематическую проверку всех этих отступлений было трудно по важности самого дела, и Никон начал свои реформы частными мерами. Он 1653 г. вместо 12 указал 4 земных поклона во время чтения молитвы «Господи и Владыко живота моего». Эта реформа, весьма незначительная, тем не менее показалась нестерпимой многим московским священникам, именно, кружку Иосифовскому, в центре которого был Стефан Вонифатьев, Благовещенский протопоп, и Ив. Неронов, священник московского Казанского собора. К этому же кружку примыкали Юрьевский протопоп Аввакум и др. К этому кружку в былое время принадлежал и сам Никон. Вместе с прочими членами кружка он отличался национально-охранительным настроением, которое, однако, утратил, когда стал во главе церкви и получил более широкий кругозор. Перемена его взглядов не осталась неизвестной его старым приятелям. Эти лица, недовольные утратой того влияния, каким они пользовались при Иосифе, недовольные постоянными толками об исправлениях и присутствием греков и киевлян, собрались обсуждать новую меру Никона и нашли ее еретической. «Задумались, сошедшись между собою, – говорил Аввакум, – видим я ко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали».

Увидели они, что толки об исправлениях начинают переходить в дело и, не сочувствуя этому, составили и подали царю челобитную на Никона. В челобитной говорилось не только о новой мере Никона, но и о двоеперстии, о котором тогда еще не было решено; Никон обвинялся в ереси. Очевидно, что московские попы знали о

намерениях Никона, о готовящейся реформе и уже заранее протестовали против нее. Челобитная их была безуспешна. Из-за нее, однако, между Никоном и этим кружком начались неудовольствия и произошел окончательный разрыв, который привел к ссылке некоторых членов кружка.

На духовном соборе в 1653 г. разбиралось дело Логгина, судившегося по доносу воеводы Муромского за оскорбление святыни; на соборе протопоп Неронов, вступившийся за Логгина, высказал много горького и дерзкого Никону и за это собором был послан в монастырь на смирение. Аввакум, поссорясь после ссылки Неронова с другими священниками Казанского собора, устроил всеобщую в сарае на том основании, как он говорил, что в «некоторое время и конюшня де иные церкви лучше». Он был арестован и осужден вместе с Логгином как за это бесчинство, так и за то, что они подали царю на патриарха жалобу по поводу осуждения Неронова. Аввакум был сослан в Тобольск. Это столкновение Никона с влиятельным кружком московских попов при самом первом шаге задуманных им исправлений показало ему всю невозможность действовать при церковных исправлениях одному. Его личные распоряжения и в будущем могли вызвать такое же противоречие. Необходимо было поэтому созвать собор, который своим авторитетом поддержал бы и узаконил дело исправления. И вот весной 1654 г. патриарх с государем созывают церковный собор; на нем было: 5 митрополитов, 5 архиепископов и епископов, 11 архимандритов и игуменов и 13 протопопов. Собор начался речью Никона, в которой он указал на неисправность наших книг и обрядов и доказывал необходимость их исправления. Собор признал, что исправление необходимо, и постановил, что книги все надо исправить, сверяясь с древними и греческими книгами. Только епископ Павел Коломенский подал особое мнение; против реформ он ничего не имел, но, в частности, был против вновь положенного количества поклонов за молитвой «Господи и Владыко живота моего». Это противоречие собору не прошло Павлу Коломенскому даром: он был скоро Никоном сослан.

Но это самое противоречие показывало, что определение Русского собора может быть некоторыми не признано, что в таком важном деле, как исправление, нужен высший авторитет. Никону стало ясно, что для более успешного действия ему необходимо заручиться авторитетом всей Восточной церкви. Поэтому, начиная приводить в исполнение постановления собора 1654 г., патриарх и царь посылают (1654) в Константинополь свои грамоты, заключающие 26 вопросов по делу исправления, и просят Константинопольского патриарха Паисия ответить на эти вопросы. Паисий созвал собор константинопольского духовенства и «деяния» этого собора, вполне одобряющие планы Никона и постановления Московского собора 1654 г., послал в Москву. Таким образом Греческая церковь официально была привлечена к делу исправления русских книг.

Еще раньше, собирая в Москву древние славянские книги, Никон теперь (1654 г.) вторично посылает Арсения Суханова на Восток собирать древние греческие книги. Благодаря сочувствию и содействию афонских монахов, Суханову удается вывезти с Афона до 500 книг. С таким же сочувствием к Никону отнеслись и патриархи Антиохийский и Александрийский; они со своей стороны присылали древние книги в Москву.

Одновременно с собиранием новых материалов для работ по исправлению книг, во главе исправлений были поставлены новые лица – киевский иеромонах Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и греки: Дионисий, «святогорец» с Афона, и Арсений-Грек, учившийся в Риме и Венеции. Последнего, когда он был в Малороссии и Греции, греки и южане считали за еретика-католика, а потому, по прибытии в Москву, он был послан на три года в Соловки на испытание. Когда соловецкие монахи признали его православным, Никон взял его к себе в справщики.

Но молва о его еретичестве продолжала ходить по Москве, и его присутствие соблазняло многих приверженцев старины (например, Неронова).

Первая исправленная книга, «Служебник», труд новых справщиков, была наконец выпущена в 1655 г. Эта книга предварительно была прочтена на духовном соборе, нарочно для того созванном, и одобрена присутствовавшими на нем греческими иерархами: патриархом Антиохийским Макарием и автокефальным митрополитом Сербским Гавриилом.

Одновременно с исправлением книг совещались и об исправлении обрядов, для чего созывались соборы, и на соборе 1656 г. впервые занялись вопросом о двоеперстии. Между тем в народе проявлялся ропот на новшества: новых книг местами не хотели принимать, считая их испорченными. Но людей, могущих стать во главе протестующих, пока не было. Только Иван Неронов, который был в ссылке в Спасо-Каменском монастыре, стал как бы центром движения против Никона на севере, где он восстанавливал народ на патриарха. Затем ему удалось бежать из ссылки в самую Москву, здесь он долго скрывался от Никона и энергично пропагандировал против него. На соборе 1656 г. Неронов (хотя и не был сыскан) был осужден и предан анафеме вместе с своими единомышленниками. Хотя потом Неронов сам явился к Никону и был Никоном прощен, хотя эта распря окончилась примирением, тем не менее некоторые исследователи (митрополит Макарий) это анафематствование считают за начальный момент раскола.

Так дело шло до оставления Никоном патриаршего престола в 1658 г. Соображая все обстоятельства исправления книг и обрядов и протесты против этих исправлений за время 1653-1658 гг. (с начала их до удаления Никона), мы можем сказать, что, с одной стороны, Никон вполне сознательно приступил к делу исправления и был в нем активным деятелем, но он не решался своей властью делать много и почти на все свои меры требовал санкции соборов, и не только русских, но и восточных. Эта санкция всей католической церкви касательно частных дел Русской церкви придавала делу особую торжественность и сообщала ему характер общецерковного искоренения ересей в Русской церкви. Взгляд на старые русские обрядности как на ересь несомненно существовал в то время и сказался на соборе 1656 г. (против Неронова).

Гораздо легче относился к отступлениям Русской церкви Константинопольский собор 1654-1655 гг.

В свою очередь, в глазах поклонников старинной обрядности поправки Никона прямо были ересями, и протестовали эти люди против Никона именно потому, что он вводил «еретические» новшества.

Но, обращаясь к протестам против Никона, мы должны заметить, с другой стороны, что в промежуток времени с 1653 г. по 1658 г. противодействие Никону не выражалось резко и в больших размерах. Только Неронов со своими резкостями явился определенным протестантом. Замечательно, что противодействие исправлению проявлялось раньше, чем принимались меры исправления: протестовали тогда, когда еще существовали лишь проекты реформ (мы видели, что московские священники подали царю еще в 1653 г. челобитье против Никона в защиту двоеперстия, хотя двоеперстие стало возбраняться лишь с 1655-1656 гг.). Это противодействие Никону исходило первоначально из одного кружка священников, которые были влиятельны при Иосифе и потеряли вес при Никоне; явилось оно частью по личной неприязни к Никону, частью из чувства национальной гордости, оскорбленной тем, что дело исправления переходило в нерусские руки. Далее это противодействие патриарху, повторяем, не перешло до 1658 г. в открытый раскол, не проявлялось резко, хотя протестовавшему кружку тайно сочувствовали многие (об этом свидетельствует, между прочим, Павел Алеппский, дьякон патриарха Макария Антиохийского, бывший с патриархом в 50-х годах XVII в. в Москве и оставивший

любопытные записки).

Так стояло дело в момент удаления Никона с патриаршего престола в 1658 г. После же удаления Никона противодействие реформам церковным быстро разрастается.

По удалении Никона во главе Русской церкви стал Крутицкий митрополит Питирим. В деле исправления первое место занимали те же справщики, оно велось в том же направлении, но без Никона не было прежней энергии. Протест против исправления, значительно подавляемый личными свойствами, громадной властью и влиянием Никона, становится с его удалением все яснее, смелее и настойчивее. Во главе его, как и прежде, стоит Неронов, человек неглупый и резкий, интриган, способный на донос; он был прежде избалован московскими властями и был влиятелен по своему положению (протопоп московского Казанского собора). В деле противодействия иерархии он то приносит ей раскаяние, то от нее отпадает; нужно сказать, что он играл роль между протестующими больше благодаря своему положению, нежели личным достоинством. Другой вожак – протопоп Аввакум. Это был крупный самородок, очень умный от природы, не необразованный человек. «Аще я и не смыслен гораздо, неученый человек, – говорил он сам про себя, – не учен диалектики и риторики и философии, разум Христов в себе имам, яко же и апостол глаголет аще и невежда словом, но не разумом». Подобная самоуверенность речи вызывалась в Аввакуме не сомнением. Аввакум – фанатик (он видит видения и верит в свое непосредственное общение с Богом); но он честен и неподкупен, он способен слепо проникаться одним каким-нибудь чувством, готов на мучения. Он спокойно говорит в одной из своих челобитных царю: «Вем, яко скорбно тебе, государь, от доуки нашей... Не сладко и нам, егда ребра наши ломают и, развязав нас, кнутъем мучат и томят на морозе гладом... А все церкви ради Божия страждем», – добавляет он и дальше повествует о всех своих страданиях за веру. Он и умер, верный себе, мученической смертью. В его чрезвычайно интересных сочинениях проглядывают иногда нетерпимость, изуверство, но есть в них и очень симпатичные и вызывающие к нему уважение черты. Из новых вожakov, выдвинувшихся уже после удаления Никона, известны следующие лица: епископ Вятский Александр, прежде произносивший анафемы против Неронова, а потом приставший к протестующим; поп Лазарь, сосланный в 1661 г. за обличение новшестv, личность очень несимпатичная (известный серб Юрий Крижанич, знавший Лазаря, рисует его очень неприглядными чертами); Никита, по прозвищу Пустосвят, личность мелкая, самолюбивая и крайне непоследовательная. Рядом с этими вожаками раскола стоят: дьякон Федор, довольно образованный богословски человек сравнительно с прочими расколуучителями; далее, ученик Неронова Феоктист, московский игумен, тайно преданный расколу и не выступивший в роли учителя, как другие, но тем не менее много помогавший делу раскола. За этими лицами следует целый ряд других деятелей, менее заметных. Некоторые из них, действуя в 50-х и 60-х годах XVII столетия в Москве, пользовались большой поддержкой в обществе и даже в царском тереме находили сочувствующих себе лиц.

Сама царица Мария Ильинична (Милославская) сочувствовала некоторым из них, а ее родня, боярыни Феодосия Прокопьевна Морозова и кн. Евдокия Прокопьевна Урусова, были прямыми раскольницами и пострадали за свою приверженность старой обрядности (подробную биографию Ф. П. Морозовой см. у Забелина в «Быте русских цариц» и в «Собрании сочинений» Тихонравова).

Поддерживаемые сочувствием в обществе и бездействием властей, которые сквозь пальцы смотрели на деятельность расколуучителей, противники церковной реформы за время от 1658 до 1666 г. действовали в Москве очень свободно и многим успели привить эти воззрения. Первоначальный кружок противников Никона в это время перешел в целую партию противников церковных новшестv; личные мотивы,

много значившие в начале церковной распри, теперь исчезли и заменились чисто принципиальным протестом против изменений в обрядности, против новых ересей. Словом, начинался раскол в Русской церкви.

И не в одной Москве он проявлялся. Оппозиция церковным исправлениям была во всем государстве; она являлась, например, во Владимире, в Нижнем Новгороде, в Муроме; на крайнем севере, в Соловецком монастыре, еще с 1657 г. обнаруживается резкое движение против «новин» и переходит в открытый бунт, в известное соловецкое возмущение, подавленное только в 1676 г. Огромное нравственное влияние Соловков на севере Руси приводит к тому, что раскол распространяется по всему северу. И нужно заметить, что в этом движении за церковную старину принимают участие не только образованные люди того времени (например, духовенство), но и народные массы. Писания расколоучителей расходятся быстро и читаются всеми. Исследователей удивляет изумительно быстрое распространение раскола; замечая, что он, с одной стороны, самостоятельно возникает сразу во многих местностях без влияния расколоучителей из Москвы, а с другой стороны, очень легко прививается их пропагандой, где бы она ни появилась, – исследователи вместе с тем не могут удовлетворительно объяснить причин такого быстрого роста церковной оппозиции. Первоначальная история раскола и ход его распространения не настолько еще изучены, чтобы можно было в объяснении причин раскола идти далее предположений.

Однако в научных трудах по истории раскола вопрос о причинах появления раскола не раз обсуждался; существуют в объяснении этих причин две тенденции: одна понимает раскол как явление исключительно церковное; другая видит в расколе общественное движение не исключительно религиозного содержания, но вылившееся в форму церковного протеста (Щапов). Различая в этом деле вопрос о причинах возникновения раскола от вопроса о его быстром распространении, можно сказать, что протест, приведший к расколу, возник исключительно в сфере церковной по причине особенностей реформы Никона, что доктрина раскола, высказанная расколоучителями в их сочинениях, есть исключительно церковная доктрина, так что мы не имеем оснований рассматривать раскол иначе, как явление исключительно церковное. Что же касается до вопроса о быстром распространении раскола, то здесь, кроме причин, лежавших в религиозном сознании наших предков, косвенным образом могли действовать и условия общественной жизни того времени; жизнь шла очень тревожно, как мы видели, и могла будить в обществе чувство неудовлетворенности, которое делало людей восприимчивее и в делах веры. Таким образом, только, как кажется нам, условия общественной жизни могли отразиться на быстром распространении раскола.

В 60-х годах XVII в. благодаря отсутствию энергии у лиц, ведших после Никона дело исправления, и благодаря тому, что власть терпимо относилась к протестам, раскол явно креп в Москве; к нему открыто примыкали некоторые иерархи (напр., Александр Вятский), и «соблазн» становился смелее год от году. В таком положении в 1666 г. в Москве решили созвать о расколе церковный собор. Он состоялся весной в 1666 г. Прежде всего на соборе занялись обсуждением предварительных вопросов: православны ли греческие патриархи? Праведны ли и достоверны ли греческие богослужебные книги? Праведен ли Московский собор 1654 г., решивший исправление книг и обрядов? При обсуждении собор на эти вопросы ответил утвердительно и тем самым признал правильную реформу Никона, утвердил ее и осудил принципиально раскол. Затем собор судил известных нам расколоучителей и присудил их к лишению священных санов и к ссылке. Все они (кроме Аввакума и дьякона Федора) принесли после собора покаяние и были приняты в церковное общение. После суда собор составил окружную грамоту духовенству с наставлением следовать церковной реформе, а затем рассмотрел и

одобрил к изданию ученую апологию церковной реформы, книгу известного киевлянина Симеона Полоцкого «Жезл правления» (Москва, 1666), которая направлена была против раскольничьих писаний и начинается собой ряд последующих полемических сочинений о расколе.

Тотчас после собора 1666 г. состоялся в Москве в 1666-1667 гг. «великий собор» церковный с участием патриархов Александрийского и Антиохийского. Собор был созван о деле патриарха Никона, но занялся и расколом. Он одобрил все частности Никоновой реформы (хотя осудил Никона, как увидим ниже) и изрек анафему на тех, кто ослушается его постановлений и не примет нововведений Никона. Эта анафема в истории нашего раскола получила большое значение. Ею все последователи старой обрядности поставлены были в положение еретиков; она до сих пор служит камнем преткновения для сближения старообрядцев с православием, даже в единоверии. Тогда же эта анафема еще бесформенное движение – хотя сильную, но шедшую вразброд оппозицию – сразу превратила в формальный раскол и вместо того, чтобы уничтожить смуту, как надеялся собор 1667 г., только усилила и обострила ее. С той поры, с 1667 г., мы наблюдаем, с одной стороны, дальнейшее распространение раскола и внутреннее развитие его доктрин (в конце XVII в. в расколе стала формироваться двоякая организация: поповщинская и беспоповщинская), с другой стороны – ряд мер, принимаемых против раскола церковью и государством, пришедшим на помощь церкви. Эти меры были двух родов: увещательные и карательные. Первые создали у нас обширную полемическую литературу о расколе, вторые же поставили раскольников в исключительное положение в государстве. До 50-х годов XIX в. о расколе знали только по догматически-полемическим сочинениям, направленным против раскольников. Научное же исследование раскола как исторического явления стало возможно, по чисто внешним условиям, только со второй половины XIX столетия. В 60-х и частью 50-х годах исследование раскола пошло очень оживленно, стали издавать памятники раскольничьей литературы, писать очерки раскольничьего быта, исследовать историю раскола. Длинный ряд исторических трудов о расколе открывается «Историей Русского раскола» (СПб., 1855) Макария, епископа Винницкого, затем митрополита Московского. Из прочих трудов назовем труд А. П. Щапова «Русский раскол старообрядчества», труды П. И. Мельникова «Письма о расколе» и «Исторические очерки поповщины»¹. Начальная история раскола прекрасно рассмотрена в XII томе «Истории Русской церкви» митрополита Макария, а особенно в книгах проф. Каптерева «Патриарх Никон и его противники» и «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» (2 тома). В массе прочих трудов, к сожалению, весьма много несолидных произведений. Писали историю и сами раскольники. Из их исторических трудов стоит упомянуть: «Виноград Российский» Семена Денисова (XVIII в.), где заключаются сведения о начале и распространении раскола, и «Хронологическое ядро старообрядческой церкви» Павла Любопытного (перечень событий с 1650 по 1819 г.). Но оба эти труда не научны. В последнее время появился замечательный труд В. Гр. Дружинина «Писания русских старообрядцев» (СПб., 1912), содержащий в себе полный перечень произведений старообрядческой письменности.

Дело патриарха Никона.

---

¹ Он же дал превосходные бытовые очерки раскола в своих своеобразных романах «В лесах» и «На горах» и в отдельных повестях.

Другим выдающимся фактом в церковной сфере при Алексее Михайловиче было так называемое «дело патриарха Никона». Под этим названием разумеется обыкновенно распря патриарха с царем в 1658-1666 гг. и лишение Никона патриаршества. Ссора Никона с царем, его удаление с патриаршего престола и суд над Никоном – сами по себе события крупные, а для историка они получают особый интерес еще и потому, что к личной ссоре и церковному затруднению здесь примешался вопрос об отношениях светской и церковной властей на Руси. Вероятно, в силу таких обстоятельств это дело и вызвало к себе большое внимание в науке и много исследований; очень значительное место делу Никона, например, уделил С. М. Соловьев в XI т. «Истории России». Он относится к Никону далеко не с симпатией и винит его в том, что благодаря особенностям его неприятного характера и неразумному поведению дело приняло такой острый оборот и привело к таким печальным результатам, как низложение и ссылка патриарха. Против взгляда, высказанного Соловьевым, выступил Субботин в своем сочинении «Дело патриарха Никона» (М., 1862). Он группирует в этом деле черты, ведущие к оправданию Никона, и всю вину печального исхода распри царя с патриархом возлагает на бояр, врагов Никона, и на греков, впутавшихся в это дело. Во всех общих трудах по русской истории много найдется страниц о Никоне; мы упомянем здесь труд митрополита Макария («История Русской церкви», т. XII, СПб., 1883 г.), где вопрос о Никоне рассмотрен по источникам и высказывается отношение к Никону такое же почти, как у Соловьева, и труд Гюббенета «Историческое исследование дела патриарха Никона» (2 т., СПб., 1882 и 1884 гг.), объективно написанное и стремящееся восстановить в строгом порядке немного спутанную связь фактов. Значение всех прежних трудов, однако, пало с появлением капитальных работ проф. Каптерева, названных выше. Из сочинений иностранных нужно упомянуть английского богослова Пальмера, который в своем труде «The Patriarch and the Tsar» (London, 1871-1876 гг.) сделал замечательный свод данных о деле Никона, переведя на английский язык отрывки из трудов русских ученых о Никоне и массу материала, как изданного, так и не изданного еще в России (он пользовался документами московской синодальной библиотеки).

Обстоятельства оставления Никоном патриаршего престола и низложения Никона мы изложим кратко ввиду того, что все дело Никона слагается из массы мелочных фактов, подробный отчет о которых занял бы слишком много места. Мы уже видели, как Никон достиг патриаршества. Нужно заметить, что он был почти на 25 лет старше Алексея Михайловича; эта разница лет облегчала ему влияние на царя. Это не была дружба сверстников, а влияние очень умного, деятельного и замечательно красноречивого человека почтенных лет на мягкую впечатлительную душу юного царя. С одной стороны была любовь и глубокое уважение мальчика, с другой – желание руководить этим мальчиком. Энергичная, но черствая натура Никона не могла отвечать царю на его идеальную симпатию таким же чувством. Никон был практик, Алексей Михайлович – идеалист. Когда Никон стал патриархом с условием, что царь не будет вмешиваться в церковные дела, значение Никона было очень велико; мало-помалу он становится в центре не только церковного, но и государственного управления. Царь и другие по примеру царя стали звать Никона не «великим господином», как обыкновенно величали патриарха, а «великим государем», каковым титулом пользовался только патриарх Филарет как отец государя. Никон стоял очень близко ко двору, чаще прежних патриархов участвовал в царских трапезах, и сам царь часто бывал у него. Бояре в деловых сношениях с патриархом называли себя перед ним, как перед царем, полуименем (например, в грамоте: «Великому государю святейшему Никону патриарху... Мишка Пронский с товарищами челом бьют»). И сам Никон величает себя «великим государем», в грамотах пишет свое имя рядом с царским, как писалось имя патриарха Филарета; а

в новоизданном Служебнике 1655 г. Никон помещает даже следующие слова: «Да даст же Господь им государям (т. е. царю Алексею Михайловичу и патриарху Никону)... желание сердец их; да возрадуются все, живущие под державою их... яко да под единым государским повелением вси повсюду православнии народы живущи... славить имут истиннаго Бога нашего». Таким образом, Никон свое правление называл державой и свою власть равнял открыто с государевой. По современному выражению, Никон, став патриархом, «возлюбил стоять высоко, ездить широко». Его упрекали, таким образом, в том, что он забылся, возгордился. Он действительно держал себя гордо, как «великий государь», и было основание для этого: Никон достиг того, что правил всем государством в 1654 г., когда царь был на войне, и дума Боярская слушала его, как царя. Политическое влияние Никона возросло до того, что современники готовы были считать его власть даже большей, чем власть царя. Неронов говаривал Никону: «Какая тебе честь, владыко святыи, что всякому ты страшен, и друг другу говорят грозя: знаешь ли кто он, зверь ли лютый – лев или медведь, или волк? Дивлюсь: государевы царевы власти уже не слышать, от тебя всем страх и твои посланники пуще царских всем страшны; никто с ними не смеет говорить, затверждено у них: знаете ли патриарха?» И сам Никон склонен был считать себя равным царю по власти, если даже не сильнейшим. Раз на соборе (летом 1653 г.) в споре с Нероновым Никон опрометчиво произнес, что присутствие на соборе царя, как это требовал Неронов, не нужно. «Мне и царская помощь не годна и не надобна», – крикнул он и с полным презрением отозвался об этой помощи.

Но влияние Никона основывалось не на законе и не на обычае, а единственно наличном расположении к Никону царя (будь Никон не патриарх, мы бы назвали его временщиком). Такое положение Никона вместе с его поведением, гордым и самоуверенным, вызвало к нему вражду в придворной среде, в боярах, потерявших благодаря его возвышению часть своего влияния (Милославские и Стрешневы); есть свидетельство (у Мейерберга), что и царская семья была настроена против Никона. При дворе на Никона смотрели, как на непрошеного деспота, держащегося единственно расположением царя. Если отнять это расположение, влияние Никона исчезнет и власть его уменьшится.

Не так, однако, думал сам Никон. Он иначе и не представлял себе патриаршей власти, как в тех размерах, в каких ему удавалось ее осуществлять. По его понятию, власть патриарха чрезвычайно высока, она даже выше верховной власти светской: Никон требовал полного невмешательства светской власти в духовные дела и вместе с тем оставлял за патриархом право на широкое участие и влияние в политических делах; в сфере же церковного управления Никон считал себя единым и полновластным владыкой. С подчиненным ему духовенством он обращался сурово, держал себя гордо и недоступно, словом, был настоящим деспотом в управлении клиром и паствой. Он был очень скор на тяжкие наказания, легко произносил проклятия на провинившихся и вообще не останавливался перед крутыми мерами. По энергии характера и по стремлению к власти Никона охотно сравнивают с папой Григорием VII Гильдебрантом. Однако во время своего управления церковью Никон не истребил тех злоупотреблений и тягостей, которые легли на духовенство при его предшественнике Иосифе и вызывали жалобы; В 1653 г. порядки, удержанные и вновь заведенные Никоном, вызвали любопытное челобитье царю на патриарха. Хотя оно было подано противниками новшеств, однако касается не только реформ Никона, но и его административных привычек и очень обстоятельно рисует Никона как администратора, с несимпатичной стороны. По этому челобитью видно, что против него и в среде духовенства был большой ропот. Про Никона надо вообще заметить, что его любили отдельные лица, но личность его не возбуждала общей симпатии, хотя нравственная его мощь покоряла ему толпу.

До польской войны 1654 г. симпатии юноши царя к Никону не колебались. Уезжая на войну, Алексей Михайлович отдал на попечение Никона и семью, и государство. Влияние Никона, казалось, все росло и росло, хотя царю были известны многие выходки Никона – и то, как Никон отзывался о царской помощи, что она ему не «надобна», и то, что Никон не жаловал Уложения, называя его «проклятою книгою», исполненной «беззаконий». Но во время войны царь возмужал, много увидел нового, развился и приобрел большую самостоятельность. Этому способствовали самые обстоятельства военной жизни, имевшей влияние на впечатлительную натуру царя, и то, что Алексей Михайлович в походах освободился от московских влияний и однообразной житейской обстановки в Москве; но, изменяясь сам, царь еще не изменял своих прежних отношений к старым друзьям. Он был очень хорош с Никоном, по-прежнему называл его своим другом. Однако между ними стали происходить размолвки. Одна такая размолвка случилась на Страстной неделе в 1656 г. по поводу церковного вопроса (о порядке Богоявленского водоосвящения). Уличая Никона в том, что он слукавил, царь очень рассердился и в споре назвал Никона «мужиком и глупым человеком». Но дружба их все еще продолжалась до июля 1658 г., до всем известного столкновения окольного Хитрово с князем Мещерским на приеме грузинского царевича Теймураза. В июле 1658 г. последовал внезапный разрыв.

В объяснении причины разрыва Никона с Алексеем Михайловичем исследователи несколько расходятся благодаря неполноте фактических данных об этом событии. Одни (Соловьев, митрополит Макарий) объясняют разрыв возмущением царя, с одной стороны, и резкостями в поведении Никона, с другой; у них дело представляется так, что охлаждение между царем и патриархом происходило постепенно и само по себе, незаметно привело к разрыву. Другие (Субботин, Гюббенет и покойный профессор Дерптского университета П. Е. Медовиков, написавший «Историческое значение царствования Алексея Михайловича». М., 1854 г.) полагают, что к разрыву привели наветы и козни бояр, которым они склонны придавать в деле Никона очень существенное значение. Надо заметить, что С. М. Соловьев также не отрицает участия бояр в этом деле, но их интриги и «шептания», как фактор второстепенный, стоят у него на втором плане.

Когда царь не дал должной, по мнению Никона, расправы над Хитрово, обидевшего патриаршего боярина при въезде Теймураза, и перестал посещать патриаршее служение, Никон уехал в свой Воскресенский монастырь, отказавшись от патриаршества «на Москве» и не дождавшись объяснения с царем. Через несколько дней царь послал двух придворных спросить у патриарха, как понимать его поведение – совсем ли он отказался от патриаршества или нет? Никон отвечал царю очень сдержанно, что он не считает себя патриархом «на Москве», и дал свое благословение на выборы нового патриарха и на передачу патриарших дел во временное заведование Питирима, митрополита Крутицкого. Никон затем просил прощения у Алексея Михайловича за свое удаление, и царь простил его. Поселясь в Воскресенском монастыре (от Москвы верстах в 40 на северо-западе), принадлежавшем Никону лично, он занялся хозяйством и постройками и просил Алексея Михайловича не оставлять его обители государевой милостыней. Царь, со своей стороны, милостиво обращался с Никоном, и отношения между ними не походили на ссору. Царю доносили, что Никон решительно не хотел «быть в патриархах», и царь заботился об избрании нового патриарха на место Никона. В избрании патриарха тогда и заключался весь вопрос: дело обещало уладиться мирно, но скоро начались неудовольствия. Никон узнал, что светские люди разбирают патриаршие бумаги, оставленные в Москве, обиделся на это и написал по этому поводу государю письмо с массой упреков, жалуясь и на то, между прочим, что из Москвы к Никону никому не позволяют ездить. Затем он стал жаловаться, что его не

считают патриархом, и очень рассердился на митрополита Питирима за то, что тот решился заменить собой патриарха в известной церемонии – шествии на осляти (весной 1659). По этому поводу Никон заявил, что он не желает оставаться патриархом «на Москве», но что не сложил с себя патриаршего сана. Вышло так, что Никон, не будучи патриархом Московским, был все же патриархом Русской церкви и считал себя вправе вмешиваться в церковные дела; если бы на Москве избрали нового патриарха, то в Русской церкви настало бы двупатриаршество. В Москве не знали, что делать, и не решались избирать нового пастыря.

Летом 1659 г. Никон неожиданно приехал в Москву, недолго там пробыл, был принят царем с большой честью, но объяснений и примирения между ними не произошло, отношения оставались неопределенными, и дело не распутовалось. Осенью того же 1659 г. Никон, с позволения царя, поехал навестить два других своих монастыря: Иверский (на Валдайском озере) и Крестный (близ Онеги). Только теперь, в долгое отсутствие Никона, решился царь собрать духовный собор, чтобы обдумать положение дел и решить, что делать. В феврале 1660 г. начало свои заседания русское духовенство и по рассмотрении дел определило, что Никон должен быть лишен патриаршества и священства по правилам св. апостолов и соборов, как пастырь, своей волей оставивший паству. Царь, не вполне доверяя правильности приговора, пригласил на собор и греческих иерархов, бывших тогда в Москве. Греки подтвердили правильность соборного приговора и нашли ему новые оправдания в церковных правилах. Но ученый киевлянин Епифаний Славинецкий не согласился с приговором собора и подал царю особое мнение, уличая собор в неверном толковании церковных правил и доказывая, что у Никона нельзя отнять священства, хотя и должно лишить его патриаршества. Авторитет греков был, таким образом, поколеблен в глазах царя, он медлил приводить в исполнение соборный приговор, тем более что многие члены собора (греки) склонны были оказать Никону снисхождение и просили об этом государя. Итак, попытка распутать дело с помощью собора не удалась, и Москва осталась без патриарха.

Никон же продолжал считать себя патриархом и высказывал, что в Москве новый патриарх должен быть поставлен им самим. Он воротился в Воскресенский монастырь, узнал, конечно, о приговоре собора по поводу его низложения и понял, что теперь ему нелегко возратить утраченную власть. Удаляясь из Москвы, он рассчитывал, что его будут умолять о возвращении на патриарший престол, но этого не случилось, а собор 1660 г. показал ему окончательно, что в Москву его просить не будут. Что влияние Никона пало совсем, это увидели и другие: сосед Никона по земле, окольный Боборыкин, вступил с ним в тяжбу, не уступая куска земли когда-то всеильному патриарху. Недовольный тем, что Боборыкину дали суд на патриарха, Никон пишет царю письмо, полное укоризн и тяжелых обвинений. В то же время он не ладит с Питиримом, мало обращавшим внимания на бывшего патриарха, и даже предаёт его анафеме. Вообще Никон, не ожидавший невыгодного для себя оборота дела, теряет самообладание и слишком волнуется от тех неприятностей и уколов, какие постигают его, как всякого павшего видного деятеля. Но до 1662 г. против Никона не предпринимают ничего решительного, хотя резкие выходки его все больше и больше вооружают против него прежнего его друга царя Алексея.

В 1662 г. приехал в Москву отставленный от своей должности Газский митрополит Паисий Лигарид, очень образованный грек, много скитавшийся по Востоку и приехавший в Москву с целью лучше себя обеспечить. В XVII в. греческое духовенство очень охотно посещало Москву с подобными намерениями. Ловкий дипломат, Паисий скоро успел приобрести в Москве друзей и влияние. Всмотревшись в отношения царя и патриарха, он без труда заметил, что звезда Никона уже померкла, понял, на чью сторону ему должно стать: он стал против

Никона, хотя сам приехал в Москву по его милостивому и любезному письму. Сперва, по приезде своем, вступил он в переписку с Никоном, обещал ему награду на небесах за его «неповинные страдания», но уговаривал вместе с тем Никона смириться перед царем. Но уже с первых дней он советовал царю не медлить с патриархом, требовать от него покорности и низложить его, если не покорится и не «воздержится отдел патриарших». Как ученейшему человеку, Лигариду предложили в Москве от имени боярина Стрешнева (врага Никона) до 30 вопросов о поведении Никона с тем, чтобы Паисий решил, правильно ли поступал патриарх. И Лигарид все вопросы решил не в пользу Никона. Узнав его ответы, Никон около года трудился над возражениями и написал в ответе Лигариду целую книгу страстных и очень метких оправданий.

Очевидно, под влиянием Лигарида царь Алексей Михайлович в конце 1662 г. решил созвать второй собор о Никоне. Он велел архиепископу Рязанскому Иллариону составить для собора как бы обвинительный акт – «всякие вины» Никона собрать – и приказал звать на собор восточных патриархов.

Никон, подавленный отношением царя к нему, и раньше искал мира, посылая к царю письма и прося его перемениться к нему «Господа ради»; теперь же он решил тайком приехать в Москву и приехал ночью (на Рождество 1662 г.), чтобы примириться с государем и предотвратить собор, но той же ночью уехал обратно, извещенный, вероятно, своими московскими друзьями, что его попытка будет напрасной. Видя, что примирение невозможно, Никон снова переменил поведение. Летом 1663 г. он произнес на упомянутого Боборыкина (дело с которым у него продолжалось) такую двумысленную анафему, что Боборыкин мог ее применить к самому царю с царским семейством, что он и сделал, не преминув донести в Москву. Царь чрезвычайно огорчился этим событием и тем, что на следствии по этому делу Никон вел себя очень заносчиво и наговорил много непристойных речей на царя. Об этом, впрочем, постарались сами следователи, выводя патриарха из себя своими вопросами и своим недоверием к нему. Если царь Алексей Михайлович сохранил еще какое-нибудь расположение к Никону, то после этого случая оно должно было исчезнуть вовсе.

Восточные патриархи, приглашение которым было послано в декабре 1662 г., прислали свои ответы только в мае 1664 г. Сами они не поехали в Москву, но очень обстоятельно ответили царю на те вопросы, какие царь послал им о деле Никона одновременно со своим приглашением. Они осудили поведение Никона и признали, что патриарха может судить и поместный (русский) собор, почему присутствие их в Москве представлялось им излишним. Но царь Алексей Михайлович непременно желал, чтобы в Москву приехали сами патриархи, и отправил им вторичное приглашение. Очень понятно это желание царя разобрать дело Никона с помощью высших авторитетов церкви; он хотел, чтобы в будущем уже не оставалось места сомнениям и не было возможности для Никона протестовать против собора.

Но Никон не желал собора, понимая, что собор обратится против него, он показывал вид, что собор для него не страшен, но в то же время сделал открыто и гласно первый шаг к примирению, чтобы этим уничтожить надобность собора; он решил с помощью, и может быть по мысли, некоторых своих друзей (боярина Н. И. Зюзина) приехать в Москву патриархом, так, как когда-то уехал из нее. Ночью на 1 декабря 1664 г. он неожиданно явился на утреню в Успенский собор, принял участие в богослужении как патриарх и послал известить государя о своем приходе, говоря: «Сшел я с престола никем не гоним, теперь пришел на престол никем незванный». Однако государь, посоветовавшись с духовенством и боярами; собранными тотчас же во дворец, не пошел к Никону и приказал ему уехать из Москвы. Еще до рассвета уехал Никон, отрясая прах от ног своих, понимая окончательно свое падение. Дело о приезде его было расследовано, и Зюзин

поплатился ссылкой. Никону приходилось ожидать патриаршего суда над собой. В 1665 г. он тайком отправил патриархам послание, оправдывая в нем свое поведение, чтобы патриархи могли правильнее судить о его деле; но это послание было перехвачено и на суде служило веской уликой против Никона, потому что было резко написано.

Только осенью 1666 г. приехали в Москву патриархи Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий (Константинопольский и Иерусалимский сами не приехали, но прислали свое согласие на приезд двух первых и на суд над Никоном). В ноябре 1666 г. начался собор, на который был вызван и Никон. Он держал себя как обиженный, но признал собор правильным; оправдывался он гордо и заносчиво, но повиновался собору. Обвинял его сам царь, со слезами перечисляя «обиды» Никона. В декабре постановили приговор Никону, сняли с него патриаршество и священство и отправили в ссылку в Ферапонтов Белозерский монастырь. Так окончилось «дело патриарха Никона».

Неспокойно выслушал Никон свой приговор; он стал жестоко бранить греческое духовенство, называя греков «бродягами». «Ходите всюду за милостынею», – говорил он им и с иронией советовал поделить между собой золото и жемчуги с его патриаршего клобука и панагии. Ирония Никона многим была тогда близка и понятна. Греки действительно «всюду ходили за милостынею»; потрудившись над осуждением Никона в угоду могущественнейшему монарху и радуясь совершению правосудия, не забывали они при этом высказывать надежду, что теперь не оскудеет к ним милость царская. В видах этой милости они и до собора и на соборе 1666 г. старались возвеличить царскую власть и утвердить ее авторитет даже в делах церкви, ставя в вину Никону его стремление к самостоятельности в сфере церковной. Никон, заносчивый, непоследовательный и много погрешивший, – симпатичнее для нас в своем падении, чем греки с своими заботами о царской милости.

Собор единогласно осудил Никона, но когда стали формулировать приговор над ним, то произошло на соборе крупное разногласие по вопросу об отношениях властей, светской и духовной. В приговоре, отредактированном греками, слишком явно и резко проводились тенденции в пользу первой: греки ставили светскую власть авторитетом в делах церкви и веры, и против этого восстали некоторые русские иерархи (как раз бывшие враги Никона), за что они и подверглись церковному наказанию. Таким образом, вопрос об отношении властей принципиально был поднят на соборе 1666-1667 гг. и был решен собором не в пользу церковной власти.

Этот вопрос необходимо должен был возбудиться на этом соборе: он был весьма существенным в деле Никона и проглядывал гораздо раньше собора 1666 г. Никон боролся и пал не только из-за личной ссоры, но из-за принципа, который проводил. Во всех речах и посланиях Никона прямо высказывается этот принцип, и его чувствовал сам царь Алексей Михайлович, когда (в 1662 г. в вопросах Стрешнева Лигариду и в 1664 г. в вопросах патриархам) ставил вопросы о пространстве власти царской и архипастырской. Никон крепко отстаивал то положение, что церковное управление должно быть свободно от всякого вмешательства светской власти, а церковная власть должна иметь влияние в политических делах. Это воззрение рождалось в Никоне из высокого представления о церкви как о руководительнице высших интересов общества; представители церкви, по мысли Никона, тем самым должны стоять выше прочих властей. Но такие взгляды ставили Никона в полный разлад с действительностью: в его время, как он думал, государство возобладало над церковью, и необходимо было вернуть церкви ее должное положение, к этому и шла его деятельность (см.: Иконников «Опыт исследования о культурном значении Византии в Русской Истории», Киев,

1869 г.). По этому самому распря Никона с царем не была только личной ссорой друзей, но вышла за ее пределы; в этой распре царь и патриарх являлись представителями двух противоположных начал. Никон потому и пал, что историческое течение нашей жизни не давало места его мечтам, и осуществлял он их, будучи патриархом, лишь постольку, поскольку ему это позволяло расположение царя. В нашей истории церковь никогда не подавляла и не становилась выше государства, и представители ее и сам митрополит Филипп Колычев (которого так чтит Никон) пользовались только нравственной силой. А теперь, в 1666-1667 гг., собор православных иерархов сознательно поставил государство выше церкви.

Культурный перелом при Алексее Михайловиче

В царствование Алексея Михайловича важно отметить еще несколько фактов, которые отчасти характеризуют нам настроения общества того времени. При Алексее Михайловиче несомненно существовало сильное общественное движение: с ним, в некоторых его проявлениях, мы уже познакомились; мы видели, например, какие протесты вызвали экономические и церковные меры того времени. Но меры не касались одной стороны этого движения – движения культурного. Замечая это последнее, один исследователь говорит о времени Алексея Михайловича, что тогда боролись два общественных направления и борьба велась «во имя самых задушевных интересов и стремлений и потому отличалась полным трагизмом». Культурные новшества спорили тогда с неприкосновенностью старых идеалов; они касались всех сторон жизни и кое-где побеждали. Но исследователь, который захотел бы нам представить полную картину борьбы старого с новым, оказался бы в затруднительном положении, так как борьба эта оставила мало литературных следов. Нам приходится только отрывочно познакомиться с разными течениями общественной жизни и наметить только главных ее представителей.

До XV в. Русь в церковном отношении была подчинена Константинопольскому патриарху, а на греческого императора (цезаря, царя) смотрела как на верховного государя православного. Флорентийская уния 1439 г. греков с католичеством заронила в русских сомнение в чистоте греческого исповедания. Падение Константинополя (в 1453 г.) русские рассматривали как Божье наказание грекам за потерю православия. В XV в. исчез таким образом православный греческий царь, померкло греческое православие от унии и господства неверных турок. А в это время Московское княжество объединило Русь, государь московский достиг большого могущества, митрополит московский был пастырем свободной и сильной страны. Для русских патриотов было ясно, что Москва должна наследовать Константинополю, должна иметь и царя (цезаря), и патриарха. Высказанная на рубеже XV и XVI вв. мысль овладела умами и была осуществлена правительством: в 1547 г. Иван IV стал царем, а в 1589 г. московский митрополит – патриархом. Но, вызвав прогрессивное движение, та же мысль в дальнейшем своем развитии повела к консервативным взглядам. Если могущественная Греция пала благодаря ереси, то падет и Москва, когда потеряет чистоту веры. Стало быть, необходимо беречь эту чистоту и не допускать перемен, могущих ее нарушить. Отсюда, естественно, возникло старание сохранить благочестивую старину. Необразованный ум тогдашних мыслителей не умел отличить догмата от внешнего обряда, и обряд, даже мелкий, стали ревниво оберегать, как залог вечного правоверия и национального благоденствия. С обрядом смешивали обычай, берегли обычаи светские как обряды церковные. Это охранительное направление мысли владело многими передовыми людьми и глубоко проникало в массу. Такое направление мысли многие и считают характерной чертой московского общества, даже единственным содержанием его умственной жизни до Петра.

Стремление к самобытности и довольство косностью развивалось на Руси как-то параллельно с некоторым стремлением к подражанию чужому. Влияние западноевропейской образованности возникло на Руси из практических потребностей страны, которых не могли удовлетворить своими средствами.

Нужда заставляла правительство звать иноземцев. Но, призывая их и даже лаская, правительство в то же время ревниво оберегало от них чистоту национальных верований и жизни. Однако знакомство с иностранцами все же было источником «новшеств». Превосходство их культуры неотразимо влияло на наших предков, и образовательное движение проявилось на Руси еще в XVI в., хотя и на отдельных личностях (Вассиан Патрикеев и др.). Сам Грозный не мог не чувствовать нужды в образовании; за образование крепко стоит и политический его противник князь Курбский. Борис Годунов представляется нам уже прямым другом европейской культуры. Лжедмитрий и смута гораздо ближе, чем прежде, познакомили Русь «с латынниками и лютерами», и в XVII в. в Москве появилось и осело очень много военных, торговых и промышленных иностранцев, пользовавшихся большими торговыми привилегиями и громадным экономическим влиянием в стране. С ними москвичи ближе познакомились, и иностранное влияние, таким образом, усилилось. Хотя в нашей литературе и существует мнение, будто бы насилия иностранцев во время смуты окончательно отвратили русских от духовного общения с ними (см.: Коялович. «История русского народного самосознания», СПб., 1884 г.), однако никогда прежде московские люди не сближались так с западными европейцами, не перенимали у них так часто различных мелочей быта, не переводили столько иностранных книг, как в XVII в. Общеизвестные факты того времени ясно говорят нам не только о практической помощи со стороны иноземцев московскому правительству, но и об умственном культурном влиянии западного люда, осевшего в Москве, на московскую среду. Это влияние, уже заметное при царе Алексее в середине XVII в., конечно, образовалось исподволь, не сразу и существовало ранее царя Алексея, при его отце. Типичным носителем чуждых влияний в их раннюю пору был князь Ив. Андр. Хворостинин (умер в 1625 г.) – «еретик», подпавший влиянию сначала католичества, потом какой-то крайней секты, а затем раскаявшийся и даже постригшийся в монахи. Но это была первая ласточка культурной весны.

В половине же XVII в. рядом с культурными западноевропейцами появляются в Москве киевские схоластики и оседают византийские ученые монахи. С той поры три чуждых московскому складу влияния действует на москвичей: влияние русских киевлян, более чужих греков и совсем чужих немцев. Их близкое присутствие сказывалось все более и более и при Алексее Михайловиче стало вопросом дня. Все они несомненно влияли на русских, заставляли их присматриваться к себе все пристальнее и пристальнее и делили русское общество на два лагеря: людей старозаветных и новых. Одни отворачивались от новых веяний, как от «прелести бесовской», другие же всей душой шли навстречу образованию и культуре, мечтали «прелесть бесовскую» ввести в жизнь, думали о реформе. Но оба лагеря не представляли в себе цельные направления, а дробились на много групп, и поставить эти группы хотя в какой-нибудь порядок очень трудно. Легко определить каждую отдельную личность XVII в., старый это или новый человек, но трудно соединить их *pia desideria* в цельную программу. Каждый думал совсем по-своему, и нельзя заметить в хаосе мнений, какой тогда был, сколько-нибудь определенных общественных течений.

Мы знаем, что время Алексея Михайловича богато было и гражданскими, и церковными реформами. В этих реформах многие видели новшества и ополчались против них; конечно, эти многие были старозаветными людьми. Против церковных новшеств, против киевлян и греков шли знакомые нам расколоучители, и их

поддерживала значительная часть общества; этим создавалось, если уместно так выразиться, консервативно-национальное направление в сфере религиозной. Его деятели, люди по преимуществу религиозные, со своей точки зрения, осуждали и подражание Западу, и брадобритие, и прочие «ереси». Рядом с ними были люди, недовольные гражданскими реформами, опять-таки с точки зрения религиозной. Таков сам Никон, который относился замечательно враждебно к Уложению и очень мрачными красками рисовал экономическое положение Руси в своих писаниях: «Ныне неведомо, кто не постится, – писал он, – во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего, и нет никого, кто был бы помилован. Нищие, маломощные, слепые, хромые, вдовицы, черницы и чернецы, все обложены тяжкими даями. Нет никого веселящегося в наши дни...» Причину такого бедственного положения он видит в Уложении и в тех новых порядках, которые шли за Уложением; за них-то Бог и посылает беды на Русь, ибо порядки эти еретичны, как думает Никон. Тот же граждански весьма консервативный Никон не любил и немцев и проповедовал против подражания им. За такими сознательными консерваторами, гражданскими и церковными, стояла масса московского общества, косная, невежественная и гордая близоруким чувством своего национального превосходства над всеми. В этой массе мы видим и мелкого приказного Голосова с его компанией, рассуждающих о том, что «в греческой грамоте и еретичество есть», и многое множество прочего люда, недовольного реформами.

Против них стоят очень определенные фигуры их противников – «западников» XVII в., теоретиков и практиков, наукой и опытом познавших сладость и превосходство европейской цивилизации. Эта сторона дала нам двух писателей: Крижанича и Котошихина. Знаем мы многих ее практических деятелей: Ртищева, Ордина-Нащокина, Матвеева. К ней же принадлежало своей деятельностью и киевское монашество (Симеон Полоцкий и др.).

Самым полным теоретиком и самой любопытной личностью этого направления без сомнения был Крижанич. Родом хорват, он печальным положением своей родины был приведен к мысли о необходимости единения славян против их утеснителей – немцев. Питая панславистские мечты и в то же время служа католичеству, он видел в Московском государстве единую славянскую державу, способную воплотить его мечтания в дело. Но, приехав в Москву, он увидел, как невежественна и расстроена эта держава и понял, что Москве нужны реформы для того, чтобы стать на должную высоту и быть достойной своей исторической миссии – объединения славянства. Он и стал проповедовать эти реформы, советуя русским учиться у немцев, но учиться, не ограничиваясь подражанием внешним формам жизни (это, по его мнению, лишнее), а заимствуя то, что может поднять умственную культуру и внешнее благосостояние страны. В политических трактатах, написанных Крижаничем частью в Москве, частью в ссылке в Сибири, куда он попал за неправовереие, мы находим большие похвалы природным способностям русского народа, изображение его дурных свойств и невежества и вместе с тем полный план экономических преимущественно реформ, какие были необходимы для Руси, по мнению Крижанича. В некоторых частях этого плана практик Петр Великий сошелся с теоретиком Крижаничем: оба, например, придавали громадное значение в государственном хозяйстве развитию промышленности.

Совсем иного склада человек был другой писатель, Григорий Карпович Котошихин. Он знал вообще немного, но служба в Посольском приказе, который ставил своих деятелей близко к иностранцам, развила в нем культурные вкусы. Еще более увлекся он немецкими обычаями, когда эмигрировал в Швецию. Вспоминая в своих сочинениях московские порядки, к очень многому московскому он относится отрицательно, но это отрицание вытекает у него только из сравнения московских обычаев с западноевропейскими и не является результатом каких-либо

определенных общественно-культурных стремлений. Вряд ли их и имел Котошихин.

Из названных нами практических деятелей, поборников образования, первое место принадлежит Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину (о нем см. ст. Иконникова в «Русск. Старине» за 1883 г., X и XI). Это был чрезвычайно даровитый человек, дельный дипломат и администратор. Его светлый государственный ум соединялся с редким в то время образованием: он знал латинский, немецкий и польский языки и был очень начитан. Его дипломатическая служба дала ему возможность и практически познакомиться с иностранной культурой, и он являлся в Москве очень определенным западником, таким его рисуют сами иностранцы (Мейерберг, Коллинс), дающие о нем хорошие отзывы. Но западная культура не ослепила Нащокина: он глядел далее подражания внешности, даже вооружался против тех, кто перенимал одну внешность.

Гораздо более Нащокина увлекся Западом Артамон Сергеевич Матвеев, друг царя Алексея и тоже дипломат XVII в. В православной Москве решил он завести домашний театр и обучал своих дворовых людей «комедийному искусству». В доме его была западноевропейская обстановка и появлялись западноевропейские обычаи: знакомые съезжались к нему не для пира и попойки, а для беседы, и встречал гостей не один хозяин, но и хозяйка, чего в Москве еще не водилось. Матвеев и царя убедил выписать из-за границы актеров, и Алексей Михайлович привык забавляться театральными представлениями. В доме Матвеева росла мать Петра Великого Наталья Кирилловна Нарышкина, внесшая в царскую семью привычки «преобразованного», как выражается С. М. Соловьев, дома Матвеева.

Но рядом с «немецким» влиянием развивалось влияние греческого и киевско-богословского образования. Ученые киевляне во второй половине XVII в. стали очень влиятельными при дворе (из них виднее всех сперва был Епифаний Славинецкий, затем Симеон Полоцкий). Всецело под влиянием их находился царский постельничий Федор Михайлович Ртищев, очень друживший с киевлянами. Написанное каким-то его другом «житие» его интересно тем, что отмечает в Ртищеве черты религиозности и высокой гуманности, преимущественно перед его другими качествами. Действительно, Ртищев мало оставил по себе следов в сфере государственной деятельности, хотя предание приписывает ему проект знаменитой операции с медными деньгами. Он нам рисуется более как любитель духовного просвещения, весь отдавшийся богословской науке, благочестивым делам и размышлениям. Это натура созерцательная.

За этими выдающимися по способностям или по положению поклонниками западной жизни и просвещения стояли другие, более мелкие люди, которые проникались уважением к науке и Западу или через непосредственное знакомство с Западом, или под влиянием других знакомясь с наукой. В числе таких можно, например, упомянуть сына Ордина-Нащокина, который до того увлекся Западом, что бежал из России, и сына русского резидента в Польше Тяпкина, который получил образование в Польше и благодарил короля польского за науку в высокопарных фразах на латинском языке.

Москва не только присматривалась к обычаям западноевропейской жизни, но в XVII в. начала интересоваться и западной литературой, впрочем, сточки зрения практических нужд. В Посольском приказе, самом образованном учреждении того времени, переводили вместе с политическими известиями из западных газет для государя и целые книги, по большей части руководства прикладных знаний. Любовь к чтению несомненно росла в русском обществе в XVII в. – об этом говорит нам обилие дошедших до нас от того времени рукописных книг, содержащих в себе как произведения московской письменности духовного и мирского характера, так и переводные произведения. Подмечая подобные факты, исследователь готов думать, что культурный перелом начала XVIII в. и культурной своей стороной далеко не был

совсем уже неожиданной новинкой для наших предков.

Итак, мы наметили два основных течения общественной мысли при Алексее Михайловиче: одно – национально консервативное, направленное против реформ как в церковной сфере, так и в гражданской и одинаково неприязненно относившееся и к грекам, и к немцам как к иноземному, чуждому элементу. Другое направление было западническое, шедшее навстречу греческой и киевской науке и западной культуре. Затем мы видели, что столкновение двух начал – самодовольною застоя и подражательного движения – создало много борцов, но тем не менее не успело еще соединить их в определенные группы, не успело выработать определенных мировоззрений и законченных систем, особенно же среди новаторов. Из западников только один Крижанич был ясен в своих идеалах, надеждах и стремлениях; остальные личности малоопределенны: видно только, кто из них больше тянет к грекам и киевлянам, как Ртищев, или кто дружит больше с немцами, как Ордин-Нащокин.